

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 1972.
3. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика прилагательного / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1978.
4. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания Российской Академии наук, 1997.
5. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996.
6. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т.1.
7. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2.
8. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов. – М.: УРСС, 2002.
9. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык: К изучению семантики имен прилагательных: учеб. пособие. / Н.Е. Сулименко. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008.
10. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А.Н. Шрамм. – Л.: Наука, 1979.

УДК 81'367

ББК 81.2 Англ-2

Ю.В. Мишанова

УНИФИКАЦИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНЕРГЕТИКИ

Статья представляет собой синергетический взгляд на процессы эволюции в грамматике естественного языка. Диссипативные процессы продемонстрированы на морфологическом материале английского языка. Подробно рассмотрена числовая парадигма со времен древнеанглийского периода и её изменения в среднеанглийский период. Обсуждаются некоторые важные лингвистические и экстралингвистические факторы изменения парадигмы категории числа в английском языке.

Ключевые слова: синергетика; морфология; самоорганизация; энтропия; бифуркация; английский язык

J.V. Mishanova

A SYNERGETIC VIEW OF THE UNIFICATION OF MORPHOLOGICAL MEANS OF EXPRESSION IN THE ENGLISH CATEGORY OF NUMBER

The paper presents a synergetic view of evolutionary processes in a natural language grammar. Dissipation processes are demonstrated with the aid of the morphological data of English. A detailed review is presented concerning the English Number paradigm since the Old English and through its evolution in Middle English. Some crucial linguistic and extra linguistic factors of the paradigm changes in the English Category of Number are discussed.

Key words: synergetic; morphology; self-organization; entropy; bifurcation; English

Проблемами языковой множественности занимались и продолжают заниматься многие лингвисты, при этом число в языке рассматривалось в различных аспектах и направлениях: на сегодняшний день тщательно исследовано функционально-семантическое поле количественности (А.В. Бондарко), описа-

ны основные значения единичности и множественности (Д.И. Арбатский, В.В. Виноградов, О. Есперсен), дана классификация видов множества (А.А. Зализняк, О.Н. Ляпёвская), конкретизированы основные значения единственности и множественности, даны класси-

фикации типов существительных в соответствии с их семантикой (Д.И. Арбатский).

В начале XX в. число стало также одним из объектов изучения структурной лингвистики, основателями которой являлись Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртенэ и Л. Блумфильд. Именно в структурной лингвистике обратили особое внимание на тот факт, что язык является системой, и каждый его элемент существует лишь в силу его отношений к другим элементам в составе системы.

Результаты исследований структуралистов, касающиеся языковых систем, оказались очень важны для включения лингвистики в новую парадигму знания, постепенно проникающую в различные области науки и захватывающую их во все большей степени. Речь идет о *синергетике* – теории самоорганизующихся систем. Слово «синергетика» происходит от греческого «синергена» – содействие, сотрудничество. Предложенный Г. Хакеном, этот термин акцентирует внимание на согласованном взаимодействии частей при образовании структуры как единого целого.

По определению Г. Хакена, синергетика занимается изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы таких, как электроны, атомы, молекулы, клетки, нейроны, механические элементы, фотоны, органы, животные и даже люди [Хакен, 1980].

Следующий шаг в развитии идей синергетики был сделан И. Пригожиным, открывшим теорию диссипативных структур. К диссипативным структурам относятся пространственные, временные или пространственно-временные структуры, которые могут возникать вдали от равновесия в нелинейной области, если параметры системы превышают критические значения. Диссипативные структуры могут перейти в состояние равновесия только путем скачка (в результате неравновесного фазового перехода).

Исследования школы И. Пригожина показали, что понятия структурной устойчивости и порядка через флуктуации применимы к системам различной природы, в том числе экономическим, социальным: «Пределов для структурной устойчивости не существует. Неустойчивости могут возникать в любой системе; стоит лишь ввести подходящие возмущения» [Пригожин, 1991, с. 49].

Таким образом, внимание синергетики сконцентрировано в первую очередь на исследовании механизмов самоорганизации сложных систем в моменты их неустойчивых состояний, когда и определяется выход системы на ту или совсем иную траекторию движения к устойчивости.

Логично, что одной из важнейших задач синергетики является раскрытие внутренних и внешних законов эволюции системы.

Исследования языковой эволюции, или языкового развития весьма необходимы не только для достижений в области исторического языкознания, но и для прогностических исследований. Понимание закономерностей развития языковой системы дает нам ключ к разгадке многих, казалось бы, необъяснимых явлений в языках мира. По А. Мартине, «остаётся несомненным, что язык, эволюционируя, изменяется непрерывно. Исследование любого языкового элемента в его функционировании позволяет обнаружить различные процессы, которые могут в конце концов привести к тому, что данный язык станет совершенно неузнаваемым» [Мартине, 2004, с. 184-185]. В ходе постоянного изменения языка процесс диверсификации – языковой вариативности – сопровождается противоположным процессом унификации – выбора единственно возможного варианта.

В данной статье мы постараемся рассмотреть унификацию морфологических средств категории числа в английском языке, опираясь на некоторые синергетические принципы. В событиях прошлого, кажущихся случайными и труднообъяснимыми, мы попытаемся проследить универсальные системные механизмы.

Разумеется, наше исследование требует обращения к исторической справке. Это даст возможность проследить пути возникновения форм числа в германских языках и их развитие. По М. Маслову, именно «история языка, проникая в глубинные слои языкового развития, приоткрывает нам мотивы, по которым избирались и те или иные признаки, характерные для данного понятия» [Маслов, 2007, с.126].

История английского языка традиционно делится на три периода:

— древнеанглийский — период от начала письменных памятников (VII в.) до конца XI в.;

— среднеанглийский — от начала XII в. до XV в. (многие историки включают XV в. в среднеанглийский период; другие считают его переходным периодом между средне- и новоанглийским);

— новоанглийский — от XVI в. до наших дней (также XVI и XVII вв. — ранненовоанглийский период) [Бруннер, 2003].

В среднеанглийский период развития в английском языке происходит изменение системы гласных. Наиболее существенным для отображения в языке категории числа среди вышеупомянутых изменений можно назвать образование нейтральных гласных в неударных слогах [Реформатский, 2010].

Данное изменение вызвало появление флуктуаций (колебаний) в языковой системе. Механизмы самоорганизации и саморегуляции, действующие в системе языка, а именно: флуктуации и отбор — перестраивают её, приближая к оптимальному устойчивому состоянию и оптимальной адаптации к окружению. Именно флуктуации считаются в синергетике движущей силой развития языковой системы, именно от них зависит возможность образования нового порядка [Аршинов, 1999].

В обычных условиях такие флуктуации, или случайные отклонения системы от некоторого среднего положения, в самом начале подавляются и ликвидируются самой системой. Но как раз в тот промежуток времени, когда в языке начались внутрисистемные фонетические флуктуации, происходило активное взаимодействие двух языковых систем: среднеанглийского и языка скандинавских племен, завоевавших северные районы Англии. Кроме того, большие территории Англии были завоеваны норманнами, активно насаждавшими на чужих территориях свою культуру и язык [Аракин, 2009]. Согласно синергетическим постулатам, если языковая система находится в неравновесном состоянии, она решительным образом реагирует на флуктуации [Пригожин, 1986].

Учитывая тот факт, что языковая система всегда открыта, в английском языке в таких условиях стремительно возрастал уровень энтропии, усиливалась неравновесность. Такие неустойчивые состояния в синергетике назы-

вают точками бифуркации. Вблизи этих точек возникает хаос, но это не означает, что порядок исчезает. Скорее, динамика процесса становится непредсказуемой в силу внутренних причин системы. Центральный вопрос, обсуждаемый в связи с этим учеными, — влияние случайностей, которые в точках бифуркации пока считается принципиально невозможным предугадать и спрогнозировать [Князева, 1994].

Говоря о процессе самоорганизации, исследователи в большей мере имеют в виду самоорганизацию системы в состоянии её неравновесности. В устойчивом состоянии системы отрицательный поток энтропии в систему из окружающей среды компенсируется положительным производством энтропии внутри системы, таким образом, два противоположных процесса уравнивают друг друга [Аршинов, 1999].

Так как скандинавский и английский языки были лексически схожими, существовало большое количество слов в обоих языках, различавшихся лишь окончаниями. Для осуществления более эффективного коммуникативного процесса окончания стремились к унификации, а то и к полному исчезновению. Таким образом, прежний системный порядок распался, изживал себя, а на его месте возникали новые правила. Этот процесс обычно характеризуют как принцип образования порядка через флуктуации [Пригожин, 1991].

В таких обстоятельствах неизбежно меняются нормативные установления литературного языка путем приобретения ими литературного статуса и возникновения новых соотношений литературных и внелитературных языковых явлений. В сильно неравновесных условиях система начинает воспринимать те факторы, которые она бы быстро подавила, пребывая в более равновесном состоянии. Неравновесность в системе становится источником появления новой организации. Возникновение самоорганизации опирается на положительную обратную связь. Изменения, появившиеся в самоорганизующей системе, не устраняются, а накапливаются и усиливаются, что и приводит, в конце концов, к возникновению нового порядка и структуры [Пригожин, 1991].

В нашем случае процесс унификации морфологических средств категории числа опи-

рался на коммуникативную необходимость проживающих на одной территории носителей двух схожих языков.

Согласно исследованиям К. Бруннера, случаи ослабления безударных гласных наблюдаются уже в древнеанглийский период, так как в текстах того времени окончание множественного числа прошедшего времени порой неустойчиво, передается различными вариантами: *-on*, *an*, *un* [Бруннер, 2003].

В XII-XIII вв. в языке вырабатывается общее окончание, заменяющее неударные звуки [a], [o], [u] на нейтральное [ə]. Это отражается и в написании, теперь оно передается буквой *e*.

Следствием ослабления гласных явилось совпадение форм множественного числа существительных с некоторыми другими формами, а именно:

- окончание *-as* множественного числа с основой на *-a-* изменилось в среднеанглийском на *-es* и совпало с окончанием родительного падежа, например: др.-а. *stānas* - ср.-а. *stones* - камни; др.-а. *eorlas* - ср.-а. *erles* - знатные люди;

- окончание *-a* множественного числа существительных женского рода с основами на *-ō* и на *-u* преобразовалось в *-e*, например: др.-а. *andswara* - ср.-а. *andsware* - ответы, ответов; др.-а. *suna* - ср.-а. *sune* - сыновья, сыновей;

- окончание *-an* различных падежей существительных с основами на *-n* изменилось в *-en*, например: др.-а. *nama* - ср.-а. *namen* - имена, имени; др.-а. *mōpan* - ср.-а. *monen* - луны, луне;

- окончание инфинитива *-an* и окончание множественного числа глаголов прошедшего времени *-on* изменилось в *-en*, например: др.-а. *beran* - ср.-а. *beren* - носить; др.-а. *helpan* - ср.-а. *helpen* - помогать;

- окончание *-að* множественного числа глаголов настоящего времени изменилось в *-eð*, *-eth*, например: др.-а. *bindað* - ср.-а. *bindeth* - связываем, связывают, связываете; др.-а. *helpan* - ср.-а. *helpeth* - помогаем, помогаете, помогают.

Таким образом, процесс выравнивания окончаний привел к тому, что в начале среднеанглийского периода образовалось три аффикса множественного числа: *-es* (у существительных с бывшими основами на *-a-*), *-en*

(у существительных с бывшими основами на *-n-*) и *-e* (у существительных с бывшими основами на *-o-*, на *-г-* и на *-s-*).

Аффикс *-e* оказался омонимичным с падежными аффиксами, которые в то время еще использовались, а также с аффиксом общего падежа единственного числа существительных с основами на *-u-* и на *-o-*. Это очень мешало пониманию речи; поэтому произошло перераспределение существительных, для которых теперь основным принципом классификации стали аффиксы множественного числа, т.е. аффиксы *-es* и *-en*.

К группе существительных с аффиксом *-es* стали относиться:

- существительные мужского рода, бывшие *-a-* основы (например, *wey* - дорога, *ston* - камень, *swan* - лебедь);

- существительные мужского рода, бывшие *-u-* основы (например, *feld* - поле, *somer* - лето);

- существительные мужского рода, бывшие *-i-* основы (например, *wine* - друг);

- существительные среднего рода, бывшие *-a-* основы, корень которых оканчивался на согласный (например, *scip* - корабль, *land* - страна, *water* - вода);

- существительные мужского и женского рода некоторых корневых основ (например, *bok* - книга, *nute* - орех, *ok* - дуб);

- большинство существительных, заимствованных из нормандского и центрально-французского диалектов.

В группу существительных с аффиксом *-en* вошли следующие существительные:

- мужского, женского и среднего рода от основ на *-n-* (например, *sterne* - звезда, *mone* - луна, *sonne* - солнце);

- женского рода, бывшие *-ō-* основы (например, *care* - забота, *tale* - число, рассказ);

- женского рода, бывшие *-i-* основы (например, *bride* - невеста, *tide* - прилив);

- женского рода, бывшие *-u-* основы (например, *nose* - нос).

Группа существительных с аффиксом *-es* оказалась более многочисленной, чем группа существительных с аффиксом *-en*. Это привело к тому, что аффикс *-es* постепенно был осознан как основной, главный аффикс множественного числа. В XIV в. аффикс *-en* утратил *-n* и единственным аффиксом множе-

ственного числа имен существительных стал аффикс *-es*.

В условиях, далеких от равновесия, в системах действуют бифуркационные механизмы – наличие точек раздвоения продолжения развития. Варианты развития системы практически не предсказуемы. В рассматриваемой нами ситуации произошел перенос окончания *-(e)s* родительного падежа существительных на формы множественного числа существительных во всех падежах. Это окончание, в конце концов, становится общепринятым почти для всех существительных во множественном числе.

Расширение сферы употребления *-es* способствовало установлению единого способа образования множественного числа имен существительных. Существительные среднего рода, продолжавшие в течение XIV-XV вв. сохранять омонимичные формы множественного числа, постепенно усваивали форму множественного числа на *-es*, усиливая позицию этого аффикса в языке.

Возможно, в данном случае категория числа в английском языке «выбрала» именно такой путь благодаря закону грамматической аналогии, который, как считал В.М. Жирмунский, одним из самых важных закономерностей развития системы языка. Грамматическая аналогия стремится к тому, чтобы одна грамматическая форма выражала одно грамматическое содержание, т.е. упорядочивает морфологию языка [Жирмунский, 1976]. Ученые уже давно установили важную роль подобных изменений по аналогии в эволюции языка. Лингвисты определенной эпохи видели в них нечто прямо противоположное фонетическим изменениям, считая изменения по аналогии единственным средством, помогающим языку избежать дегенерации, постоянно грозящей ему. Самое время здесь вспомнить об одном из постулатов синергетической мысли: вдали от равновесия согласованность поведения элементов возрастает [Аршинов, 1999]. В равновесии молекула (в нашем случае – морфологический признак) «видит» только своих соседей, вдали равновесия – видит всю систему целиком и выстраивает новый порядок, наиболее подходящий для приближения системы к состоянию равновесности.

Процесс ослабления гласных в слабоударных слогах привел к полному отпадению слабоударных окончаний.

Согласно исследованиям Бруннера, в XIV в. или в первой половине XV в. завершился и процесс отпадения слабоударного [э], изображавшегося на письме буквой *e* [Бруннер, 2003]. Для развития категории числа в языке это также имело огромное значение, так как падежи существительных с того времени практически перестали существовать, за исключением родительного падежа на *-(e)s*. К тому же имя прилагательное утратило категорию числа как таковую, превратившись в неизменяемую часть речи (кроме степеней сравнения), глагол также утратил морфологическое выражение категории числа, за исключением формы 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения.

Процесс унификации и редукции окончаний раньше всего начался на севере, где уже в XII в. окончание именительного падежа множественного числа *-es* распространилось почти на все существительные. В центральном диалекте этот процесс шел примерно на одно столетие медленнее. На юге – еще медленнее, отдельные слова с окончанием *-ep* во множественном числе сохранились там даже до XVI в. (*sho* – *shoon* – ботинок, *eye* – *eyen* – глаз, *ox* – *oxen* – бык, причем последнее существительное сохранило, как известно, это окончание и до наших дней).

Несколько существительных среднего рода, с основой на *-a*, сохранили в течение всего среднеанглийского периода свою форму множественного числа, в точности совпадающую с формой единственного: *thing* – вещь, вещи; *shep* – овца, овцы; *der* – олень, олени; *yer* – год, годы; *horse* – лошадь, лошади; *swine* – свинья, свиньи.

Позднее, в новоанглийский период, некоторые из них (*thing*, *year*, *horse*) все же подчинились общему правилу образования множественного числа, приобретя окончание *-(e)s*: *things*, *years*, *horses*. Оставшиеся – *sheep*, *deer* и *swine* – до сих пор имеют омонимичные формы единственного и множественного числа. Надо также отметить, что существительные *horse* и *swine* получили во множественном числе другой оттенок значения: *horse* – употребляется во мн.ч. в смысле «конница»;

в то время как, говоря о множестве отдельных лошадей, мы используем форму *horses*; слово *swine* является сейчас собирательным для обозначения свиноводства, а для обозначения отдельных животных используются совершенно другие слова — формы *pigs* и *hogs*.

Большинство существительных, принадлежавших к корневым основам и ранее образывавших свое множественное число путем изменения корневого гласного, также постепенно перешли к общему правилу, т.е. утратили чередование гласного в корне и получили окончание *-(e)s* во множественном числе, например: др.-а. *bōc* — *bēc*, ср.-а. *bok* — *bokes* — книга — книги.

Тем не менее, существует также группа слов, которые сохранили корневое чередование во множественном числе до нашего времени: ср.-а. *fōt* — *foot*, мн.ч. *fēt* — *feet* (совр. *foot-feet*); ср.-а. *gōs* — *goos*, мн.ч. *gēs* — *gees* (совр. *goose-geese*); ср.-а. *tōth* — *tooth*, мн.ч. *tēth* — *teeth* (совр. *tooth-teeth*); ср.-а. *mūs* — *mous*, мн.ч. *mīs* (совр. *mouse-mice*); ср.-а. *lūs* — *lous*, мн.ч. *līs* (совр. *louse-lice*); ср.-а. *man*, мн.ч. *men* (совр. *man-men*).

Как видим, окончание *-es* в среднеанглийский период на те существительные, которые во множественном числе получают умлаут, не распространялось. Были употребительны те существительные данного ряда, которые сохранились почти в таком же виде и до сегодняшнего дня, например: *feet* (ноги), *teeth* (зубы), *gees* (гуси). В последнем примере сейчас во множественном числе пишется *geese*, видимо, по аналогии с написанием формы ед.ч. — *goose*. Но многие древнеанглийские формы множественного числа с умлаутом в среднеанглийский период исчезли, отчасти эти существительные просто вышли из употребления.

В среднеанглийском периоде встречается также еще несколько форм мн.ч. на *-t* от древних основ на *-es/-os*, например, *childre*, *childer* (дети), *lamber* (ягнята).

Древнеанглийское существительное *cild* — ребенок, имевшее во множественном числе форму *cildru*, в среднеанглийский период стало произноситься как *cild* — мн.ч. *cildre*. Впоследствии к этой форме множественного числа добавилось окончание *-en*, таким образом, современная форма множественного числа этого существительного исторически сложи-

лась с помощью двух показателей числа: *-ge* и *-en*.

Между тем, в среднеанглийский и даже в ранний новоанглийский период еще можно встретить достаточно много форм множественного числа, оканчивающихся на *-n*, причем не только у существительных, которым оно было свойственно с давних пор, так как они принадлежат к склонению с основой на *-n*, но и у некоторых других слов. Окончание *-n* присоединялось иногда к другим формам множественного числа словам в качестве его второго признака. До сих пор сохранилась форма множественного числа *oxen* (волы, в др.-англ. — *оха*, м.р. с основой на *-n*). А из форм с двойным признаком множественного числа — *brethren* (братья), употребляемая в современном языке только в богословском смысле (братья по вере), и уже упомянутое нами *children* (дети), форма, которая была употребима уже в среднеанглийский период наряду с *childer*. В некоторых диалектах также можно встретить и другие формы множественного числа на *-n*, которые в литературном английском не используются.

Предпосылки изменений в языковой системе обычно лежат в области вариативности языка. Этот процесс привлекает вновь складывающиеся языковые средства, последние могут сочетаться со старыми и дополнять их. Языковая система способна самостоятельно отобрать из нескольких «предложенных» вариантов тот, который наиболее соответствует основным нормам данной языковой системы. Морфологическая вариативность возникает вследствие объединения в одном парадигматическом ряду грамматических форм, современных по своему происхождению или различных по своей грамматической структуре, например, формы синтетические и аналитические, как в случае с английским языком.

Так произошел перенос окончания *-(e)s* родительного падежа существительных на формы множественного числа существительных во всех падежах. Это окончание в конце концов становится общепринятым почти для всех существительных во множественном числе.

Таким образом, в качестве продуктивных форм образования множественного числа существительных современный английский язык из всего многообразия окончаний древнеанглийского периода сохранил лишь *-(e)s*.

Коренная перестройка всей системы средств выражения числа была невозможна без утраты существительными категории рода и падежа как таковых. Но такое упрощение произошло не во всех германских языках. Например, оно совершенно не затронуло близко родственный английскому немецкий язык, по сей день сохраняющий несколько способов образования множественного числа, а также четыре падежа и три грамматических рода.

Исходя из этого факта, мы приходим к выводу, что перенос ударения, ослабивший артикуляцию неударных окончаний существительных в английском языке, лишь частично повлиял на процесс унификации окончаний множественного числа, так как подобный процесс наблюдался и в других германских языках, в которых унификации не произошло. По всей видимости, огромную роль сыграли все-таки и скандинавские завоевания, происходившие на севере страны, где какое-то время английский и скандинавский языки сосуществовали на равных правах, взаимно упрощаясь, что было обусловлено коммуникативной необходимостью. Не надо забывать о том, что английский язык был очень близок к скандинавскому, особенно лексически. Основы слов часто были очень схожими, отличались лишь окончания, которые и унифицировались с течением времени. Вот почему французский язык норманнов, также завоевавших большие территории Англии и внедрявших на них французскую культуру, не оказал на английский язык подобного влияния. Французский и английский языки были слишком типологически разными, а главное принадлежали к разным языковым группам. Выше мы уже упоминали, что любой процесс унификации начинался именно с севера, завоеванного скандинавским народом, медленно распространяясь вглубь страны.

Таким образом, на процесс унификации средств выражения категории числа повлияли как внешние, так и внутренние факторы развития языка. Отбор аналитических вариантов и их постепенное количественное нарастание, возможно, были вызваны особыми экстралингвистическими условиями билингвизма на территории англоязычного населения.

Рассмотрим этот процесс с точки зрения общей синергетической модели развития сложных систем. Представим, что существует

некая устойчивая открытая система. В нашем случае это система морфологических признаков категории числа в древнеанглийском языке. В определенный момент система подвергается некоторым внешним воздействиям, как-то: насаждение норманнскими завоевателями своей культуры и языка на территории Англии, а также взаимодействие английского языка с языком скандинавских завоевателей на севере страны. Данные внешние воздействия искажают существующую к тому времени в языке систему флуктуаций (колебаний, вариантов). Источником флуктуаций является в данном случае необходимость общения между носителями языков хозяев и завоевателей. Когда количество энтропии в системе достигает определенного уровня, она подходит в своем развитии к критическому состоянию, называемому точкой бифуркации. В этой точке путь эволюции системы не определен. Система, просканировав имеющиеся в наличии флуктуации, делает решающий выбор в пользу одной из них. Этот выбор нарушает симметрию системы, так как выбранной флуктуации оказывается предпочтение. Запускается процесс адаптации других частей системы к принятым изменениям, т.е. процесс самоорганизации. В этих условиях формируются новые динамические состояния – диссипативные структуры. И. Пригожин характеризует их как стационарные устойчивые кооперативные состояния движения [Пригожин, 1991]. Диссипация имеет большое значение в унификации частей системы, так как устраняет избыточные неустойчивые структуры, оставляя лишь те, которые соответствуют измененным условиям существования в системе. В таких случаях либо система погибает вообще, либо, «перешагивая» хаос, она переходит к новому устойчивому состоянию. При этом внутри этого хаоса начинает формироваться новый системный порядок, так называемая диссипативная структура, с новой самопорядоченностью и новыми механизмами самоорганизации. Вблизи точек бифуркации даже малое воздействие на систему может привести к не предсказуемому и быстрому (лавиннообразному) развитию процесса.

Подобную картину можно наблюдать в среднеанглийский период развития английского языка: скандинавский язык создал ситуацию неустойчивости системы английско-

го языка, которая возникла именно благодаря его типологической и генетической близости. Здесь могли быть два выхода: сохранение прежней морфологической системы либо ослабление морфологии с переходом на качественно новый тип языка. Возможно, при других исторических условиях подобная неустойчивость не сказалась бы критически на эволюции языковой системы. Однако, в связи с норманнским завоеванием, в этот период перестали работать сдерживающие механизмы, которые всегда функционируют у государственного языка – прежде всего, требование к единству литературной нормы. В силу изменчивости системы происходит некоторое накопление возмущений, в результате система теряет стабильность и происходит переход системы из одного канала эволюционного развития в другой. В результате произошел распад языка на диалекты и быстрое их изменение.

Библиографический список

1. Аракин, В.Д. История английского языка / В.Д. Аракин – 3-е изд., испр. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2009.
2. Арбатский, Д.И. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.И. Арбатский. – М., 1954.
3. Аршинов, В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки [Электронный ресурс] / В.И. Аршинов. – М., 1999. – Режим доступа: <http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/arshinov/index.html>
4. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 2002.
5. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2005.
6. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: АН СССР, 1963.
7. Бруннер, К. История английского языка : в 2 т. / К. Бруннер; пер. с нем. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 2 т.
8. Виноградов, В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967.
9. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен: пер. с англ. В.В. Пасека, С.П. Сафроновой; общ. ред., пред. проф. Б. Ильиш. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2006.
10. Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1976.
11. Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
12. Князева Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994.
13. Ляшевская, О.Н. Семантика русского числа / О.Н. Ляшевская. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине: пер. с фр. В.В. Шеворошкина. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Маслов, М.Ю. Введение в языкознание / М.Ю. Маслов. – СПб.: Academia, 2007.
16. Пригожин, И.Р. Философия неустойчивости / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-52.
17. Пригожин, И.Р. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И.Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986.
18. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2010.
19. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: Либроком, 2009.
20. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен; пер. с англ. – М.: Мир, 1980.

УДК 413.11

ВВК III 141.2 - 314

Т.В. Федотова

АНАЛИЗ ДЕРИВАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ ТОПОНИМИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Статья посвящена деривационным процессам, сопровождавшим формирование русской топонимии Забайкальского края. Ономастологический подход позволил выделить основные компоненты номинативной ситуации, которые реализуются через процесс топонимобразования и позволяют отразить основные элементы языковой картины мира.

Ключевые слова: ономастологический; топонимическая система; номинативная ситуация; языковая картина мира